

ПОНЯТИЕ ЭТИЧЕСКОГО КОДА: ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Ю. Г. Полетаева, кандидат философских наук, доцент
Уральского государственного аграрного университета
(г. Екатеринбург, ул. К. Либкнехта, д. 42)

Рецензент: С. Н. Некрасов, доктор философских наук, профессор

Аннотация

Рассматривается понятие этического кода как одна из основных закономерностей механизма становления цивилизации. Предпосылкой этического кода является пересечение двух противоположных культурно-исторических феноменов: личности и власти. Этический код представляет собой матрицу производства и воспроизводства личности как принципа человеческого бытия в пространстве ее социально значимых качеств. Комплекс новых, личностных правил, санкционированных абсолютной властью, становится пусковым механизмом цивилизационного процесса.

Ключевые слова: становление цивилизации, абсолютная власть, этический код, история, культура, личность.

Summary

The concept of ethical code as one of the main regularities of the mechanism of the formation of civilization discusses. The prerequisite of the ethical code is the intersection of two opposing cultural-historical phenomena: the individual and the government. The ethical code is a matrix of production and reproduction of identity as a principle of human existence in space of socially significant qualities. The complex of new, personal rules, sanctioned absolute power, becomes the trigger of the process of civilization.

Keywords: civilization, absolute power, a code of ethics, history, culture, personality.

Важнейшими социальными изобретениями эпохи становления цивилизации стали иерархические цивилизации (мегамашины) и абсолютная власть в лице царей-перводвигателей как их (мегамашины) завершение. Как следование заданным культурой правилам и образцам, социальное изобретение является бессубъектным процессом, своего рода реакцией родового культурного организма на вызовы окружающей среды, способом приспособления к внешним переменам. Но в то же самое время социальное изобретение является относительно свободным осуществлением цели, которую преследует одна-единственная личность, появившаяся на вершине социальной иерархии – личность царя-перводвигателя. Вместе с этим социальное изобретение получает рефлексированный и осознанный характер, характер творчества.

Если власть в начале своего возникновения, абсолютная и чудовищно безмерная в своих проявлениях, образует первую компоненту в системе оснований истории, то обладающая свободой и правом выбора личность – вторую. У истоков цивилизации мы находим два явления, кажущихся несоединимыми. С одной стороны, это власть – стихийная, безличная сила, напоминающая «архэ» древнегреческой философии, подчиняющая своему воздействию не только человека, но мироздание в целом и выступающая в виде судьбы. Власть-судьба подчеркнута имперсональна и иррационально-хаотична: «Судьба немислимо странна и ни с чем смысловым несообразна, хотя существование судьбы – непреложная данность. В своих не отменимых победительно-властных действиях она себя очень внятно обнаруживает. Но

всегда это действие на другое и в другом. Никаким обращенным на себя бытием судьба не обладает. Она есть власть без того, кто властвует. Во всяком случае последний необнаружим и неуловим. Понять каким-то образом возникновение темы судьбы и ее длящееся по сей день существование можно только вполне отчетливо отдавая себе отчет в том, что судьба есть лишь в той мере, в какой человек не принадлежит ни себе, ни Богу» [8]. С другой – личность как принцип человеческого бытия, очерчивающий единство сознания, действия и воли и устанавливающий возможность и необходимость осуществления человеческой цели во внешнем мире и внесения в него разумного порядка.

Вот это пересечение в границах Мегамшины (Царства) двух принципиально чуждых друг другу (с современной точки) феноменов является непосредственной предпосылкой этического кода. Совмещение безличного и персонального, стихийного и упорядоченного, иррационального и рационального, а в целом, говоря языком древнегреческой философии, хаоса и космоса приводит к изменению модуса власти. Из состояния бытия в себе она переходит в состояние бытия для другого. Рационализация, упорядочение и «очеловечивание» власти превращает ее из стихийной социальной силы в силу для человека, в динамическую силу исторического процесса, характеризующегося по сравнению с предшествующим периодом жизни человека и общества ускоренным и кумулятивным характером инновационных изменений. «Если же охватить всю эту проблему ускорения человеческой истории в целом, следует вывод: в истории действовал фактор динамики, т.е. история была прогрессом» [6]. Меняющая свою модальность власть как раз и становится искомым фактором исторической динамики.

Результатом пересечения личного начала и власти является этический код, который представляет собой матрицу производства и воспроизводства личности как принципа человеческого бытия в единстве ее (личности) социально значимых качеств. Это понятие использовала Ю. Кристева, которая называла этическим кодом нравы и социальные соглашения [3]. В семиологии существует близкое понятию этического кода понятие культурного кода. Оно включает «системы поведения и ценностей, которые традиционно не рассматривались в коммуникативном аспекте. Перечислим их: этикет – не только система жестов, но и как система конвенций, табу, иерархий и т. п.» [10]. У. Эко говорит о культурном коде как «системе моделирования мира», как «типологии культур», как о «моделях социальной организации». Он считает, что культурный код может представлять собой «систему моделирования мира, отражающую глобальное видение мира с позиций какого-либо сообщества» [10].

Этический код предопределяет то, что Э. Тоффлер назвал архитектурой цивилизации. Под ней он понимал многогранную социальную систему, назначением которой были организация и контроль любых аспектов человеческой жизни и которая жестко очерчивала границу между новым и старым [9]. В составе этического кода можно выделить совокупность принципов, в соответствии с которыми складывалась архитектура нарождавшейся цивилизации, соединявшей в себе характеристики технического и символического.

Первый из них – системность, через призму которой любые вещи и явления выступают в виде организованной совокупности элементов, приведенной к порядку в соответствии с определенными правилами. Наличие такого признака, как системность, в общем плане свидетельствует о том, что социальная деятельность получила характер более или менее свободного конструирования. В последнем находят свое продолжение и развитие такие ранее отмеченные нами признаки человеческой деятельности, как изобретение и творчество. Система характеризуется иерархическим строением: она состоит из уровней, размещенных вдоль вер-

тикальной оси, образуемой предельными значениями «верха» и «низа». Связи и отношения соединяют в целое элементы системы как по горизонтали, то есть в пределах одного уровня организации, так и по вертикали. Среди них особое место занимают системообразующие связи, обеспечивающие целостность системы, ее способность к относительно самостоятельному существованию в окружающей среде, функционированию и динамике [7]. Переходя от общей характеристики системности к проблеме этического кода, следует отметить, что элементами социальной системы являются человеческие индивиды. Вопрос о том, что чему предшествует, индивиды-элементы – социальной системе или социальная система – индивидам-элементам, является пробным камнем для любой этической концепции и не имеет однозначного и общего (универсального и единого) решения вне конкретного культурно-исторического контекста. В этом смысле этический код сам может рассматриваться как система, причем система открытая [10]: она не содержит в себе однозначных предписаний и указаний относительно той или иной ситуации. Этический поступок как таковой предполагает не подведение события под какое-либо из правил, а выявление его (события) этического смысла и оценку, которую на свой страх и риск обязан сделать индивид. Самостоятельное размышление – необходимое условие функционирования этического кода, который выступает в качестве образца системного конструирования мира и отношений и связей в социальном пространстве, своеобразной модели системности.

Второй принцип – принцип универсальности – характеризует складывающееся в рамках мегамашины социальное пространство как гомогенное. Это означает, что все индивиды, включенные в связи и отношения социальной системы, в равной степени подчинены нормам и правилам, которые заданы этическим кодом. Другой в этой системе отношений перестает быть чужим и враждебным, теперь это самостоятельный, независимо от меня и наравне со мной существующий индивид. Равенство меня и другого обусловлено не кровным родством, не соседством или какой-либо иной локальной связью, а самим фактом включенности в социальную систему. Равенство подобного рода не отменяет неравенства ролей, статусов, функций и т. п., не отменяет иерархического строения социальной системы. Речь идет о том, что между ролями, статусами и функциями, с одной стороны, и индивидами как их возможными носителями, с другой, проводится демаркационная линия. В новом социальном пространстве возникает абстракция индивида как такового, и именно этот – абстрактный – индивид становится адресатом этических требований в той мере, в какой он становится потенциальным носителем любых ролей, статусов и функций. Надо подчеркнуть, что абстракция эта не теоретического, не головного происхождения, а имеет практический характер, формируется в процессах социальных интеракций реальных индивидов, включенных в системные отношения и связи. Интерактивная природа отношений и связей между индивидами, предполагающая их взаимное влияние друг на друга, их взаимное отражение, указывает на рефлексивный характер этих отношений. Рефлексия, т. е. опережающее формирование представления о действии другого, оперирование идеальными моделями ожидаемого поведения других индивидов, опосредствование этими идеальными моделями собственного поведения, становится важным фактором функционирования новой социальной системы как системы с рефлексией. С этого момента можно утверждать, что социальная система превращается в самодвижущееся органическое целое, получает способность к самоорганизации и к саморазвитию, без чего в принципе невозможна история. Основную теоретико-методологическую аргументацию в пользу данного вывода можно найти в работах М. К. Мамардашвили. Показательный фрагмент одной из них мы приводим ниже: «Маркс совершенно особо представлял

себе социальные системы: в каждом случае он строил свое исследование так, что уже в исходном пункте имел дело с системами, реализующимися и функционирующими посредством сознания, то есть такими, которые содержат в себе свои же отображения в качестве необходимого элемента (или, иначе говоря, включают в себя сознание наблюдателя в качестве внутреннего элемента собственного действия)...Вместо однородной, уходящей в бесконечность плоскости сознания выявились его археологические глубины; оно оказалось чем-то многомерным, объемным, пронизанным детерминизмами на различных одновременно существующих уровнях – на уровнях механики социального, механики бессознательного, механики знаковых систем, культуры и т. д.»¹ [5].

Рассматривая понятие системы с рефлексией, мы тем самым уже начали обсуждение третьего принципа, входящего в состав этического кода, – принципа идеализации. Согласно этому принципу, социальная система заключает в себе собственное отображение – идеальный мир, образованный совокупностью идей, понятий, принципов, норм и других духовных феноменов. Освященный авторитетом царя-перводвигателя, идеальный мир получает значение высшего по сравнению с реальным. Его назначение – трансляция сверху вниз идеальных образцов, опосредствующих человеческие действия, регулирующих соотношение порядка и разнообразия, с тем чтобы неконтролируемый рост последнего не привел к социальной энтропии, переходу системы от порядка к хаосу. «Свойственное человеку как разумному существу идеальное удвоение мира не может рассматриваться в качестве приспособительного (адаптивного) механизма. Ведь другие живые существа прекрасно вписались в мир и без этого, в рамках инстинктивно-рассудочного поведения. Смысл такого удвоения в том, чтобы подняться над миром, оторваться от него, заглянуть за его пределы, чтобы задать иную детерминацию собственной деятельности, чем та, которая определяет брэнность его существования» [1].

Доминирование идеальных образцов над реальными вещами и процессами, подкрепляемое авторитетом царской власти и вертикальным строением новой социальной организации, способствовало тому, что интенция к восхождению и связанный с ней образ возвышенного получили значение императива социальной деятельности, осуществленной с новыми правилами. Комплекс новых правил, составивших этический код, и был источником, пусковым механизмом, постепенно осуществляющим цивилизационный процесс.

Библиографический список

1. Гусейнов А. А. Философские заметки // Вопросы философии. 2009. № 10.
2. Гусейнов А. А. Введение в этику. М., 1976.
3. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. М., 2004.
4. Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М., 1990.
6. Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. М., 1974.
7. Садовский В., Юдин Э. Система // Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
8. Сапронов П. А. Власть как метафизическая и историческая реальность. СПб., 2001.

---

¹ Приводя эту цитату, следует оговорить, что имя Маркса приводится здесь автором для своеобразного прикрытия собственной концепции от идеологической критики, поскольку вместе с Марксом как теоретическим персонажем М. К. Мамардашвили далеко и бесповоротно вышел за границы собственно марксистского подхода к проблеме сознания. Но данное обстоятельство стало ясно позднее, после выхода в свет его работ «Картезианские размышления» и «Кантианские вариации», а также написанной совместно с А. М. Пятигорским книги «Символ и сознание».

9. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002.

10. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию. М., 1998.